

ПОКАЯННОЕ

Культура - 1999. - 5 февр. - С. 7.

Абуладзе и гласность

Когда я вошла в бывший кинотеатр «Москва», ныне Дом Ханжонкова, и увидела широкие плакаты «Абуладзе—70», а под ними — несколько десятков человек в зале, мне стало так грустно, что я сразу же и вышла.

О где они, где эти четыре миллиона, что собрало только по Москве «Покаяние» в 1987-м, перекрыв все мыслимые рекорды?

О где вы, где отцы и апостолы перестройки — разве не с абуладзевского «Покаяния» она и началась?

Все ушло и не вернется, но...

Но останется в веках — вот что важно. Кто знает, быть может, от всей перестройки только и останется, что «По-

каяние» — и это правильно.

Впрочем, сам Тенгиз Евгеньевич — а мне выпало счастье оказаться вместе с ним на фестивале в городе Стамбуле — так вот, сам он всячески возражал против такого сочетания — «Абуладзе и гласность». «Я, — говорил он, — мои filmy были и есть еще задолго до эпохи гласности. Даже история ослика в «Лурдже Магдане» — это тоже своего рода борьба за свободу личности, и «Чужие дети», пусть на другом уровне. Но тема рабства и борьбы с ним, прежде всего внутри самого человека, — все это было и есть и не возникло вдруг ниоткуда, по декрету сверху, с эпохой Горбачева».

И эти его слова мне запомнились на всю жизнь. Потому что, когда перестройка только начиналась, мы еще не знали, что на нас обрушится такой потный вал конъюнктурного вдохновения, который, наверно, и потопил ее — в искусстве, во всяком случае, точно А Абуладзе как большой художник уже тогда все это сердцем чуял, поэтому он, создатель «Покаяния», так резко и определенно возражал против того, чтобы его ставили в рамки злобы дня.

И он прав. Он, автор «Мольбы» и «Древа желаний», — да при чем тут, собственно, гласность?

Валентина ИВАНОВА.